

масса

роман

Маргарита Ронжина

Маргарита Юрьевна Ронжина

Масса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74448276

Масса:

ISBN 9785002724253

Аннотация

Степе тридцать шесть, он виртуозно лепит из глины, но опасается прикасаться к живым людям. Его мир ограничен мастерской, муфельной печью и удушающей опекой матери, требующей от сына стать «нормальным». Когда из-за неразделенной влюбленности и прогрессирующей экземы Степа начинает терять свой главный инструмент – собственные руки, то решается на отчаянный шаг. Он бежит на пустынные полуострова Мурманской области, чтобы через соленый ветер и одиночество придать себе новую форму.

Содержание

0 Conceptus	8
1 Fictura	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Маргарита Ронжина

Масса

Знак информационной продукции (Федеральный закон
№ 436–ФЗ от 29.12.2010 г.)

Редактор: *Мария Головей*

Издатель: *Павел Подкосов*

Главный редактор: *Татьяна Соловьёва*

Руководитель проекта: *Ирина Серёгина*

Художественное оформление и макет: *Юрий Буга*

Корректоры: *Юлия Сысоева, Лариса Татнинова*

Компьютерная верстка: *Андрей Ларионов*

В оформлении обложки использована иллюстрация Славы Нестерова

© Маргарита Ронжина, 2026

© Художественное оформление, макет. ООО «Альпина
нон-фикшн», 2026

* * *

Маргарита Ронжина

масса

роман

альпина
ПРОЗА

Москва, 2026

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

0 Conceptus

(Концепция, квинтэссенция)

Он ел водоросли уже два дня.

На берегу снова подобрал длинные зелено-бордовые листья. Спешно откусывал, жевал, старался не принохиваться. Но обоняние все равно передавало в мозг легкую плесневелость, пористую замшелость – так пахла крышка от банки с огуречным маринадом.

Соль и соль.

Часом раньше он утолял жажду – высасывал влагу из красных, обильно растущих на Севере ягод, шкурку отправлял обратно на землю. А рот жаждал твердой пищи. Теперь челюсти приятно сжимались над жесткими волокнистыми листьями северной ламинарии – на основательном стебле трофейного букета множились широкие плоские отростки. В сыром виде, конечно, не ароматный салат из морской капусты, но есть можно.

Он сел в безветренное место, откуда мог любоваться на пылающий яркий круг, на море, которое без препятствий, без осколков суши, перетекало за горизонт.

Соль и солнце. Третий день без людей.

И где-то там, на незаселенном полуострове, осталась беспутная, покинутая им Элли.

Волны бились о низкие скалы – словно скулы с четкими гранями его пластичных скульптур, – отходили назад, ритмично повторяли свой танец вечности. Хвостики и плавники мелькали на горизонте. Да, он знал, вечно можно: смотреть на дикую воду и китов; мять, формовать глину; трогать фигуры глазурью и огнем. Любить отчаянные в своей красоте виды, масштабы, ощущения.

Только скуп человеческий язык, думал он, если я попытаюсь объяснить остроту, красоту момента на ста диалектах, все равно ничего не добыюсь. Скупы и его человеческие руки. Только и могут касаться, рвать, гладить. Общаться так с миром. Но пока от порванных ран лишены главного – возможности ваять.

Впереди закровило соленое, цитрусовое солнце.

Он ощупывал основание растения – таллом – проводил пальцем по склизким граням, по побелевшему от скопления солей телу. Он его не убивал, нет. Природа делала все сама: выбрасывала отмершие или оторвавшиеся из-за волн, подводных течений водоросли – органы моря. А листья бесшумно танцевали в озерцах и ванночках, образованных отливом. Здесь, на конце земли – ведь дальше лишь дикое, неприрученное море и Северный Ледовитый океан, – нужно было изменить законы тяготения. Тогда листья взмывали бы на ветру, листья стремились бы к небу.

После такой концентрации соли он до смерти захотел пить. До смерти засолить себя, чтобы затянулись раны на руках, чтобы перестал ныть желудок. Он оставил рюкзак и немного походил налегке, пытаясь отыскать хоть каплю жидкости.

Пресная вода блестела, еле видимой пленкой выступала на черной горе, спускалась и рассеивалась где-то выше. Если бы он лизнул каменную влагу, вкус горечи вошел бы по пищеводу в желудок. Он раздумывал, не поискать ли где-нибудь воду или немедленно припасть к скале языком. Отправился к ягодной поляне, с которой уже съел голубику и чернику, оставив плоды, пригодные лишь для высасывания сока.

Боковое зрение снова уловило оранжевый хвост хищницы-лисицы. Она – а может, их несколько – преследовала его весь путь. Если судить по офлайн-карте, он пересек за сегодня несколько ручьев и либо их не нашел, либо они пересохли из-за высоких температур. Север!

Он стянул верхние тактические и белые косметические перчатки, взглянул на тыльную сторону ладони, задел, хотя давал себе обещание их не трогать, не лелеять надежду на то, что коросты спадут, а под ними покажется, нет, не бутон, а нежная, новая, не кровящая мякоть дермы.

На его руках тоже расцветала экземная карта местности, она корками и нарывами показывала мягкую и твердую почву, застывая хаотично, болезненно. И если земле приходилось так же страдать при формировании верхнего слоя, то

сейчас Степа бы мог ей сильно посочувствовать.

Пока он двигался – бежал? – рассуждал про свою экземную тектонику. Каждые несколько часов подходил к морю, смачивал кисти, пластилиновые самозастывающие обрубки, читал не молитву – перечислял этапы работы с глиной. Ведь если трогать материал руками не получается, надо хотя бы прикасаться языком к словам.

Соль и кожа.

Органы чувств любили играть в такие игры.

Днем он щупал такие знакомые трещины – словно глиняные цеки – на скалах и на собственных руках, задерживался на острых краях, думал, как же можно принять их, слабости, несовершенства, гордо стоять перед штормами и бурями, постепенно разрушаться, но не сгибаться, не падать за-мертво. Глина же, хоть и была гибче, так не могла, да и люди, да и он тоже. Они все были слишком хрупки.

Ах, Элли, Элли...

Ягоды немного облегчили жажду, и Степа разбил лагерь под горой, приготовился лечь пораньше. Жаль, нельзя ставить палатку близко к берегу, на крошащиеся графитовые породы. Водная масса или ветер слизнут его и отнесут в глубины, где нет ни муфельной печки, ни зуда, ни боли. Да и спать жестко, а после того, как он потерял подвижность, иннервацию пальцев, кожа на теле стала чувствительнее.

Ничего. Завтра до обеда он дойдет до Берега рыжих камней и военной базы, где протекает широкий ручей. Где-ни-

будь добудет воду. А там разберется, как вернуться домой. Только бы его не расстреляли на месте.

Шутки шутками, закутывался он в спальник, а разобраться бы с питанием, и можно обжигаться. Обнаженная, бесстыдная телесность природы остро отдавалась по всему телу: буграми и камнями, острыми ветками, мягкими пружинистыми ягодами, мошкой в конце концов.

Но ему это нравилось. Всем приходилось меняться, подстраиваться, выдумывать формулы обмена. И здесь лепщик отдавался природе, пока она, природа, позволяла ему просто быть.

Странно, подумал он, я современный человек, пусть и немного помешанный, прожил столько лет в бетоне города, а хочу запереться в сарае на берегу речки, озера, пруда, моря, играть на дудочке и лепить отзеркаленные от воды кувшины, спускать их в воду, и чтобы вокруг только птицы, звери, деревья. Но тогда придется забыть о женщинах (пусть даже и не о ком уже забывать). Только печь и руки, глиняные люди, которых нужно будет вылепить самому, по образу и подобию...

А все-таки как воодушевляюще звучит.

Или устроиться на последнем этаже небоскреба, осязать, вдыхать энергию города, под инди-рок ходить за молоком в соседний магазин, в кроссовках, специально заляпанных грязью, потому что только брендовая, выверенная грязь имеет право на существование.

Желудок снова занял, подталкивал к питательным воспоминаниям. Скучал ли он по индустриальным ароматам, по индустриальной телесности, по текстуре самых обычных предметов? И да и нет. Вспоминал, как погружал кисти, как кисти сами погружались в масло, по одному пальцу – раз-два-пять, и задерживались, постепенно передавая тепло, забирая ощущения, разбавляя, распаяя плотский жир и жар. Белая эмалированная кастрюля обхватывала конечности, задала границы.

Перевод продуктов, стыд, стыдоба; войны и голода на тебя не хватает, сказала бы мать. Эксперимент, не мысленный, не теоретический, живой, ответил бы он. Научный интерес. Хлеб скульптора. Фантазии. Скука. Масляная масса. Смазка для пальцев. Преграда между слизистой рта и симпатической нервной системой.

Подтаявшая бутербродная основа. Подбавить бы на подушечки кожного сала. Облизать. Другой рукой положить сверху сыр. Прикусить, но без хлеба. Вечное баловство, игра, дактилоскопия смыслов, рисунки, которые режущий предмет оставляет на желтеньком брикете: арки, петли, завитки.

И история человека – как стек-петля боли, с рисунком хаотичных завитков. Двигайся. Ведь как иначе можно наделить что-то смыслом, перевернуть тоску. А там, под ней, найти загадку, разгадку, смерть.

Соль и страсть.

Соль и глину, глину. Глину...

С рассветом Степа поднялся, быстро собрался в живой, как он надеялся, путь. Взлохмаченное солнце размазывало перед глазами мутное марево, рисовало красные электрические круги, но ноги шагали бодро, несли уставшее, однако не измотанное тело. Он дошел до ворот из колючей проволоки, потрогал табличку, запрещающую вход на территорию военных, и протиснулся в проход.

Цокнул пленкой, образовавшейся на пересохшем языке. И еще быстрее зашагал вверх, стараясь не смотреть на оставленную по обе стороны от тропинки технику, но глаза улавливали старые вагончики и ржавые грузовики. Соль не щедила никого: ни его пальцы, ни горы железа.

– Эй! – раздалось спереди и сбоку, с нескольких сторон.

Он повернулся и поднял руки вверх: вот, Северный Русал, я и приплыл.

1 Fictura

(Первичная лепка)

Год назад Степа вдруг почувствовал, что мир – или он сам, или они оба – неизменно меняется.

Обычно реальность колыхалась где-то около, но касаться его опасалась, обходила вскользь, полубоком, обдавала парфюмом, ароматом шампуня для роста самосознания. Видеть – он ее видел, или ему казалось, что видит, что стоит только захотеть, стоит только отбросить свое напускное, игрушечное, за эти годы уже, наверное, тысячетонное, и вот она предстанет перед ним.

Но может, так выглядел счастливый морок, спадавший сейчас кусками и крошками, как бы он его ни удерживал.

Он так же, как и семнадцать прошлых лет, делал фигурки и боццетто, глиняные эскизы скульптур, часами и днями, согнувшись, копался в материале, но теперь тело, как неповоротливая, неподатливая масса, реагировало иначе: отнимались затекшие ноги, локти, стреляла спина. Реальность взялась за аргументы, которые он уже не мог игнорировать.

Поздней весной всюю воняла радость. А он размышлял, тонул в чужом любопытстве, прохаживаясь по проспектам и каналам. Одиночество действительно умело накапливаться, настаиваться, опадать мутной взвесью?

Собственного мира ему становилось мало, и, чтобы не треснуть, он отправлялся на долгие прогулки во все стороны по округности, садился на электрички, выходил на разных станциях, гулял, трогал то, что можно, воображал, что трогает то, что нельзя: морщинистую кожу на шее старушки, жирноватые, маслянистые, невозможно толстые волосы парня в черном, небо над головой, бликующее сквозь мутный пластик станционного козырька.

Хлоп, шлеп, ш-ших по шарик у в руке заплаканной девочки – не лопнул! – и бежать по рельсам наутек.

Не помогало.

Он съездил к морю, пожил во влажно-плесневелой комнате недалеко от Новороссийска, попинал песок, полепил из этого состава: мелкозернистая масса, детские памперсы, женские трусики, чересчур маленькие, севшие на пару размеров, сломанные совочки, которые рано или поздно унесет в море, прямо в желудок дельфинам (которые поплывут вдаль, но никогда не смогут скрыться от погони катеров и смартфонного зума).

Снимал в голове сцены, водил в воздухе пальцами, как безумный пианист, вот только он делал зарубку в памяти, закладку, чтобы гораздо позже, в прохладе своего полусонного Питера, достать эти воспоминания и воплотить в глиняном объеме.

Познакомиться с кем-нибудь, провести безобидную курортную ночь так и не вышло. Как только он представлял,

что девушку или женщину надо звать в кафе, угощать, спрашивать о жизни, его охватывала физическая немощь. Он сидел у моря, чувствовал, как мышцы конечностей, шеи, даже ягодиц разжимались, атрофировались, еще больше подминая песок. Знал, ощущал – не из-за женщин, нет. Что-то менялось. Время? Менялось, подталкивало и его, а он не успевал.

Он больше не мог быть один, но и не хотел быть с кем-то. Он боялся превратиться в человека, у которого после смерти в постели найдут куклу – глиняного идола – в натуральную величину.

А мама только усугубляла эти мысли.

Даже в редких телефонных разговорах она давила своими представлениями и установками о нормальной жизни мужчины средних лет. Степа терпел, но не выдерживал. Каких таких средних лет? Он даже еще не начал понимать себя.

После ссоры или неприятной размолвки мама долго, до полугода, не выходила на связь, а когда он поздравлял с праздниками (и отправлял деньги в подарок), отвечала сухо. Но постепенно начинала что-то нейтральное спрашивать в ответ. Еще немного выжидала – и звонила раз в неделю, рассказывала свои и соседские, пестрящие оттенками белого и черного нижевартовские новости. Несмотря на вспыльчивость, она действовала планомерно, умела ждать, была закалена бытовым нестигаемым сплавом житейского опыта, традиций и человеческой природы.

Степа успокаивался, терял бдительность, и вот она снова заводила разговор о нормальных человеческих желаниях. Дождаться внуков, например. Говорить об очередях в садик, о том, кто будет забирать из школы, об усталости после работы и сжатого во времени и пространстве транспорта, о дороговизне продуктов и маленькой зарплате. О звездах шоубиза и долларах, в конце-то концов. Жаловалась, что хочет скинуть груз с шеи.

– Мам, я не груз, я не живу с тобой уже семнадцать лет.

– У людей за эти годы гулянки, свадьбы, разводы, в конце концов, дети уже усатые ходят. А у тебя не меняется ничего. Обрюхатил бы кого-нибудь и мне младенца отдал, тебе что, жалко, что ли. Чем ты вообще занят?

Он обводил взглядом квартиру, заставленную одиночными скульптурами и большими полуготовыми сценами из кино: «Властелин колец», «Триста спартанцев», «Затойчи». В углу, на фоне белой частично расписанной им стены, оборудованное место, инструменты – стеки, штихели, бульки, каркасы, кувшин с водой, контейнеры и множество привычных мелочей, за которые уже не цеплялся взгляд. Что ей ответить?

Мама убеждала в трубку:

– Научись разговаривать с людьми, Степаш. От тебя шарахаются, но ты не урод, странненький, но не страшный. Я не только как мать твоя говорю. Пальцы длинные, как у пианиста, только бледные слишком. Но начистоту, пальцы для де-

вушки – это не главное. Нищebroды никому не нужны, без денег мужчина никто, не мужчина.

«Даже тебе?» – хотел он спросить, но решал быстрее пройти этап допроса.

– М-м-м.

– Разве тебе девушки не хочется?

– Есть у меня девушки.

– Живые, живые!

– Я не дикий, мам. Умею заказывать еду и вещи на дом, гуглить что угодно, слежу за трендами в искусстве, хожу в музеи и на выставки.

– Пфф, насмешил! С этим любая обезьяна справится. Даже моя свекровушка. Опять заходила сегодня крови попить, правда, уже не та, что раньше-то, почти не орала, зудела под ухом, даже пряники принесла, чтобы мне, видать, не так печально стареть было. Она еще в тридцать мне про закат жизни говорила, стыдила, что у меня и поклонники имеются, а она всю жизнь одна.

– М-м-м.

– Тебе тридцать пять, а ни образования, ни жилья своего, ни семьи, – продолжала сетовать она. – Если бы я на тебя не давила, ты и школы бы не окончил. Эгоист, вот ты кто! А такой был хороший мальчик, Степаш, красивенький.

Она считает, что я поломанный предмет, думал он, или просто инфантильный дурак. Снова не выдерживал:

– Я доволен своей жизнью, все разного хотят, что с того?

– А ты мне ненормальность того самого не обеляй! У меня, между прочим, много и своих желаний. А тут еще за вас переживать... А знаешь что? – Молчала, пока не раздавался вздох из его динамика. – Ты на вечер «Кому за тридцать» сходи, вдруг повезет. Сам вот и узнай, где проводятся.

– Сейчас иначе знакомятся.

– И как? Ну, как же? – злилась мама, переходя на скрипуче-визжащий тон. – Если ты все бобылем ходишь.

И Степа взрывался.

Он погуглил, кто такой бобыль: одинокий крестьянин без земли, лентяй, батрак, бессемейный человек. И все это мама примеряла к нему. Станный, однако, способ мотивации.

Ему попадались советы из интернета, как и где познакомиться, построить серьезные отношения, завести семью, кошку, детей. Пикап давно вышел из моды, подкаты на улице протухли, как и лица работающих людей, которые вечно оббегали Степу, вздыхая от мягкости его размеренных шагов.

Умение общаться, флиртовать, даже слегка, вскользь, по касательной нравиться девушкам как-то проскальзывало мимо. Зачем изображать невесть кого, перебрасываться лишними словами и долго ходить вокруг да около, если можно признаться в симпатии, показать, даже если пока не чувствуешь, страсть. Но в разговоре, на свидании, он иногда забывал сделать даже это, засмотревшись на трепещущий нос, разрез глаз с двумя морщинками, на вдавленную грудную клетку, к которой по бокам неловко прилепили две большие,

словно взятые у великанши, груди. В природе такое существо не могло бы двигаться. Это, ясное дело, завораживало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.